

18+

ПОЛУЭКТОВ ВЛАДИМИР

КОРТИЗОЛОВАЯ ПЕТЛЯ

Владимир Полуэктов

Кортизоловая петля

«Издательские решения»

Полуэктов В.

Кортизоловая петля / В. Полуэктов — «Издательские решения»,

Эта книга — для тех, кто готов увидеть, что личность — это прошивка, а не суть. Что интеллект — самозванец. Что кортизол — не враг, а топливо. Логос Астровульфа предлагает не чинить вирус, а стереть операционную систему, которую он захватил. Первая часть дилогии «Кортизоловая петля» — анатомия захвата. Вторая — протокол освобождения. Для тех, кто готов создать себя заново.

Содержание

Кортизоловая петля	6
Часть первая. Новичок	7
Предупреждение для читателя	8
Глава 1. Кортизоловая петля: Анатомия приказа	9
Глава 2. Анатомия наследственного сбоя	16
Глава 3. Кортизол становится петлёй	25
Глава 4. Ритуал это оружие	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Кортизоловая петля

Владимир Полуэктов

© Владимир Полуэктов, 2026

ISBN 978-5-0071-3364-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Кортизоловая петля

Ты просыпаешься уставшим. Ты думаешь, что у тебя депрессия, тревога или выгорание. На самом деле у тебя — кортизол. *Кортизоловая петля* — это не метафора. Книга, показывает, как слова становятся приказами. Это реальный гормональный механизм, который удерживает тебя в состоянии хронического стресса. Ты думаешь, что проблема в детстве или в работе. На самом деле проблема в кортизоловой петле — механизме, который держит твой организм в режиме вечной войны. Это не ты — это нейрообразы матери и отца, вшитые в твои мышцы до того, как ты научился говорить. Эта книга — радикальный протокол освобождения. И этот протокол работает.

Часть первая. Новичок

Эта книга — для тех, кто готов увидеть, что в действительности тебя нет. Есть родительское содержимое мышления, которое и создаёт твою карму, твою судьбу — и соответствующие последствия этого, именуемые «твоей жизнью». Эта книга — для тех, кто готов создать себя заново.

Предупреждение для читателя

Биофантастика — эта книга является авторским философским и практическим исследованием механизмов мышления, телесных реакций и поведенческих паттернов. Все описанные концепции — это метафорические модели, созданные для удобства работы с собственным сознанием и телом. Они не являются научными, медицинскими или клиническими терминами.

Книга не заменяет профессиональную медицинскую помощь. Если вы проходите лечение, принимаете препараты или наблюдаетесь у специалиста — не прекращайте терапию без консультации с врачом. Все практики вы применяете на свой страх и риск. Если вы чувствуете суицидальные мысли — обратитесь за помощью к специалисту. Срочно. Книга не спасёт вас — специалист спасёт.

Книга не направлена на критику медицины и какой-либо религии или духовной традиции. Описания ритуалов и верований приведены исключительно как примеры поведенческих паттернов.

Читатель самостоятельно принимает решения о применении прочитанного.

Эта книга — радикальная анатомия кортизоловой петли — механизма, который держит твой организм в режиме вечной войны. Автор раскладывает по полочкам: как семейная разговорно-двигательная линия становится кодом, как речеобразный суфлёр управляет диафрагмой, как биовнедренцы используют твой АТФ. Здесь нет аффирмаций. Есть инженерия: десемантизация, биовзлом, ритуал войны, перепрошивка биосхемы. Первая часть дилогии — диагностика. Вторая — демонтаж. Для тех, кто готов перестать быть жертвой собственного тела.

Глава 1. Кортизоловая петля: Анатомия приказа

Лоп Воткэу стоял у энергошара из горного хрусталя и молчал.

Он любил говорить. Особенно когда знал, что его слова лягут точно в информационную структуру, а не уйдут в воздух. Но сейчас слова были лишними. Они бы только создали лишний слой информационного шума между ним и новичком. А шум — это то, что держит петлю замкнутой.

Новичок стоял напротив. Худой. Бледный. С тёмными провалами под глазами — как у всех, кто впервые переступает порог этого зала. Он сам не знал, зачем пришёл сюда. Знал только одно: что не может больше жить так, как жил раньше. Что каждый громкий звук для него — это угроза. Каждое слово случайного прохожего — приказ к действию. Каждый случайный взгляд — оценка и опасность. Что его тело сжато, как пружина, готовая выстрелить в пустоту.

Лоп Воткэу посмотрел на него и усмехнулся. Не насмешливо — так смотрят на механизм, который заклинило, но который ещё можно починить.

— Ты думаешь, ты здесь, потому что у тебя депрессия? — спросил он.

— Или тревожность? Или детская травма? Или созависимость? Или ещё какая-то хрень, которой тебя накормили психологи?

Нет. Ты здесь, потому что твой организм готовится к войне, которой нет. Твои гормоны работают как у солдата в окопе под артобстрелом, а ты ведь просто сидишь на своей кухне и молча смотришь в белую стену. У тебя кортизоловая петля.

Новичок молчал. Он не знал, что отвечать и вообще нужно ли ему отвечать. Но внутри него что-то дёрнулось — невидимое, но реальное, как натянутый шнур.

— Хочешь знать, как это работает? — спросил Лоп Воткэу.

Новичок кивнул.

Лоп Воткэу взял с алтаря ритуальный нож. Металл блеснул в тусклом свете факелов. Лезвие не было острым — оно было настроенным. Оно резало не ткань и не кожу. Оно резало саму информационную структуру.

— Слово, — сказал он.

— Ты слышал слово «ничтожество»? Сколько раз?

Новичок сглотнул. Горло пересохло.

— Каждый день. С детства.

— И что ты чувствовал?

— Вину. Стыд. Страх. Желание исчезнуть.

— Хорошо, — Лоп Воткэу кивнул.

— А теперь скажи: эта боль от самого слова или от того, что оно значило?

Новичок задумался. Впервые он слышал такой необычный вопрос.

— От того, что оно значило, — сказал он медленно.

— От того, что кто-то, кто должен был меня любить, сказал мне, что я никто.

— Именно, — Лоп Воткэу усмехнулся.

— Слово — это просто звук. Вибрация воздуха. Оно ничего не делает с тобой, пока ты не вложишь в него смысл. А смысл — это не твой. Это программа. Код, который вшили в тебя до того, как ты научился говорить.

Код, который твоё тело принимает как приказ, минуя сознание.

Это работает через *рече-образный суфлёр* — механизм, который передаёт команды не словами и образами, несмотря на название, а спазмами твоих мышц. Ты слышишь слово «ничтожество» — и твоя диафрагма сжимается. Ты слышишь его — и твои фасции блокируют дыхание и движение. Ты не выбираешь это. Ты просто исполняешь.

Он коснулся ножом своей ладони — это было лишь лёгкое движение.

— Амигдала, — сказал он.

— Часть мозга, которая отвечает за выживание. Она не знает, что такое «смысл». Она знает только паттерны. Звуки. Интонации. Контекст. Когда она слышит «ничтожество», она не думает: «Это просто слово». Она думает: «Угроза. Атака. Хищник». И запускает реакцию. Адреналин. Кортизол. Тахикардия. Потливость. Спазм гладкой мускулатуры кишечника. Тело готовится к битве. Но битвы нет. Есть только само это слово, кухня и стена.

Он опустил нож и подошёл к столу. На столе лежала янтра — сложный узор, похожий на нервные окончания. Она была выжжена в дереве чем-то, что оставляло не физический, а информационный след.

— Смотри, — сказал он.

— Это не рисунок.

Это карта твоих *биоточек*. Как слова связаны с образами. Как образы связаны с телесной памятью. Как телесная память держит твои гормоны. Как гормоны держат твоё тело в режиме выживания. Всё это — не просто память. Это сам биокод. Код, который и держит твою кортизоловую петлю замкнутой. (<https://t.me/selfkod>)

Он коснулся пальцем одного из узлов.

— Вот здесь — слово «ничтожество». Оно связано с твоей грудной клеткой, диафрагмой, шейными позвонками. Ты слышишь это слово — и твои фасции сжимаются. Ты не можешь вздохнуть. Ты не можешь проглотить слюну. Ты не можешь просто быть собой. Потому что быть собой в этом состоянии — это очень опасно. Тело знает: если ты расслабишься хоть на секунду, тебя обязательно убьют, уничтожат. Поэтому оно не расслабляется. Никогда.

Новичок почувствовал, как его горло сжалось. Он хотел сказать что-то, но не мог. И это было не психологическое — а именно что-то физическое. Какая-то невидимая рука внезапно и сильно сжала его за горло изнутри.

— А вот здесь, — Лоп Воткэу коснулся другого узла.

— Образ. Картинка, которую ты запомнил. Может быть, это война. А может быть, голод. Может быть, пьяный отец. Или полицейские, которые вышвыривают тебя из аэропорта. Этот образ тебе даже и не нужно вспоминать. Он уже прямо сейчас находится в твоём теле. Он работает в фоновом режиме — как программа, которая запускается при каждом похожем сигнале. Он не принадлежит твоему сознанию. Он принадлежит твоей *телесно-разумной программе*, которая была записана в *биоточки центра разума* задолго до того, как ты научился говорить.

Новичок закрыл глаза. Он чувствовал это. Каждое слово Лоп Воткэу отзывалось в его теле спазмом, толчком и напряжением. Это было похоже на то, как если бы ему показывали карту его собственных ран, и каждая рана начинала сразу пульсировать, даже когда на неё только указывали.

— А вот здесь, — Лоп Воткэу коснулся третьего узла.

— Твоя телесная память. Это твоя узкая и обтягивающая одежда, которая сжимала тебя, когда ты был маленьким. Голод. Холод. Боль, которую нельзя было назвать. Ты не помнишь этого сознательно. Но твои клетки помнят. Твои фасции помнят. Твои гормоны помнят. Это знание записано не в нейронах — оно записано в структурных единицах мышечного волокна, в коде, который работает как двоичная система: 1 — угроза, 0 — безопасность. Только у тебя никогда не было нулей.

Он отступил на шаг.

— Вот она, — сказал он.

— Кортизоловая петля. Слова держат эти образы. Образы держат твою телесную память. Телесная память держит гормоны стресса. Гормоны держат твоё тело всегда в режиме выживания. Тело в режиме выживания делает так, что ты своими глазами не можешь видеть — воспринимать — ничего, кроме угрозы. Ты даже не можешь думать ни о чём, кроме выживания. Ты не можешь чувствовать ничего, кроме страха и опасности. Ты становишься адресатом страха и стресса. Ты становишься *биоуклой* — не потому что ты не человек. А потому что ты выполняешь чужой код. Код, который тебе не принадлежит.

Он помолчал.

— Но есть и хорошая новость. Эту петлю можно разорвать.

Новичок открыл глаза.

— Как?

Лоп Воткэу улыбнулся. Но это была не улыбка — это было изменение его лицевых мышц, имитирующее человеческую эмоцию. За ней не было тепла. Был лишь холодный расчёт биомеханика и оккультиста.

— Сначала нужно увидеть саму механику всего этого. Увидеть, как это работает. Не на словах — на теле. Увидеть, где застрял кортизол. Увидеть, какие *биоточки* его держат. Увидеть, как простое слово становится для тебя приказом. А потом — перестать быть адресатом этого *нейрообраза*. Перестать принимать сигналы, которые ты не выбирал. Перестать думать, что этот голос в твоей голове — это сам ты.

Он взял ритуальный нож.

— Ты готов?

Новичок посмотрел на нож. Потом на янтру. Потом на Лоп Воткэу.

— Я готов, — сказал он. Голос не дрожал. Впервые за много лет он не дрожал.

— Тогда начнём.

Лоп Воткэу подошёл к энергошару и лишь слегка коснулся его лезвием. Шар в ответ загудел. Внутри него вспыхнул свет — не видимый физический свет, а тот, что виден только тому, кто умеет смотреть сквозь содержимое мышления. Свет был плотным, почти осязаемым — как сгусток эфира разумности, сжатый до предела и удерживаемый внутри кристалла.

— Смотри, — сказал Лоп Воткэу.

— Сейчас я покажу тебе, как звук становится приказом. И как приказ становится петлёй. А ты — пока просто смотри. Не называй, не оценивай и не присоединяйся.

Он занёс нож. Его удар был быстрым и точным. Он не коснулся самого тела новичка — он коснулся только воздуха вокруг него. Но новичок почувствовал, как его тело сжалось. Как диафрагма спазмировалась. Как горло моментально пересохло и в груди появилась боль.

Что-то внутри него — невидимое, но реальное — дёрнулось. Как будто толстый астральный шнур, привязанный к его позвоночнику, резко натянули. Через астральный щит, который был развёрнут не в сторону эфира разумности, а в сторону Несуществования.

— Это был твой астральный шнур, — сказал Лоп Воткэу, не оборачиваясь.

— Я лишь слегка дёрнул его. Не бойся — я не колдун и не ведьма. Я просто показал тебе, что он такое есть. И что он действительно работает. Твой щит развёрнут неправильно — он ловит сигналы извне, а не изнутри. Поэтому ты и слышишь чужие команды как свои.

Новичок смотрел на свои руки. Они дрожали.

— Я чувствую, — сказал он.

— Я чувствую это в груди. В животе. В голове.

Это... это как будто я готовлюсь к битве. Но я ведь просто стою здесь.

— Правильно. Это кортизол. Он всегда там. Просто ты раньше его не замечал. Ты привык к нему. Ты думал, что это — сам ты. А это — *бионический модуль самодеструктора*, который питается твоим вниманием. Каждый раз, когда ты узнаёшь ситуацию как «ту самую» — ту, где тебя унижали, где ты был бессилен, где ты был адресатом этого иллюзоросияния — он получает подпитку. Он заставляет тебя думать, что всё это «твои мысли». Но это вообще не твои мысли. Это *содержимое мышления семейной разговорно-двигательной линии*. Код, который передали тебе родители. Код, который они получили от своих родителей. Код, который работает как информационный вирус.

Новичок попытался вдохнуть, но его горло сжалось.

— Я не могу дышать.

— Конечно, не можешь. Твой *рече-образный суфлёр* только что воспроизвёл команду, которую ты слышал в своём детстве. Он не говорит с тобой словами — он говорит спазмами и состояниями твоего внутреннего пространства. Он говорит через твои мышцы горла, через диафрагму, через межрёберные мышцы. Ты слышишь голос родителя, даже если его уже нет в живых, не своими ушами — ты слышишь его всем своим телом целиком. И тело моментально исполняет его команду. Потому что твоё тело не знает, что война закончилась.

Лоп Воткэу подошёл ближе. Теперь новичок мог видеть его глаза. Они были чёрными и глубокими — совсем не как у человека. Как у того, кто уже не раз смотрел сквозь *плазморазумность* и знал, что там нет никого, кто мог бы его спасти.

— Чтобы разорвать петлю, нужно разрушить три уровня, — сказал Лоп Воткэу.

— Слова. Образы. Телесная память. Именно в этом порядке. Сначала ты перестаёшь верить словам. Потом ты перестаёшь верить образам, которые они вызывают. Потом ты перестраиваешь свою телесную память — не через психологию, а через *биоскрипты и ритуалы @v_gazume*. Тогда кортизол перестаёт быть хозяином твоего тела и судьбы. Тогда ты перестаёшь быть его адресатом.

Он повернулся к столу, где лежала янтра, и легко провёл над ней рукой. Узор засветился — не физически, а в том слое реальности, который видит только тот, кто прошёл через *биоцифровую башню*.

— Вот, — сказал он.

— Это — *симулятор реальности «Биокукол»*. Точнее, это его проекция. Он показывает, как работает твоя нервная система. Как слова становятся приказами. Как приказы становятся петлёй. Как петля становится тобой. (книга «Симулятор реальности»)

Новичок смотрел на узор. Он не понимал его. Но он чувствовал, как его тело откликается на каждую линию. Как фасции сжимаются. Как дыхание становится поверхностным. Как что-то внутри него — невидимое, но реальное — пытается вырваться наружу.

— Что мне делать? — спросил он.

— Сначала — увидеть. Увидеть, как всё это работает. Увидеть, как слово становится приказом. А потом — перестать быть его адресатом.

Он убрал руку с янтры, и свет моментально погас.

— Завтра мы будем рвать кортизоловую петлю. Сегодня — просто смотри.

Новичок кивнул. Он не знал, что будет завтра, и не знал, как разорвать эту петлю.

Лоп Воткэу резко направился к выходу, но на пороге остановился.

— И ещё, — сказал он, не оборачиваясь.

— Ты чувствуешь это тепло в груди?

Это не любовь и не надежда. Это эфир разумности — тот самый, который был заблокирован твоим *самодеструктором судьбы*. Эфир разумности пытается пробиться к тебе. Но он не может, пока ты думаешь, что этот голос родителя — это ты сам.

Он вышел из зала.

Новичок остался один. Он смотрел на свои руки — они уже не дрожали. Он посмотрел на янтру — она больше не светилась, но её узоры остались в его внутреннем пространстве, как отпечаток — *нейрообраз*.

...Логос Астровульфа: Анатомия стресса и страха.

Они напрямую внедрили в меня механизм стресса и страха, не оставив малейшего шанса на выживание. И вот теперь я мёртв. И это не метафора для красоты стиха.

Это абсолютно реальный факт моей жизни. Необходимо было убить моё «я» — именно там и находится весь их стресс и страх. Он не мой, не телесный и не умственный — а именно их.

Носитель этого страха — *родительский биоконтейнер*. В него можно поместить всё что хочешь: любую психологическую концепцию и телесный самодеструктор, которые он и будет тиражировать через семейную разговорно-двигательную линию.

И в данном случае новичок не исключение. Он такой же, как 100% людей, попавших в эту ловушку. Нет ни одного исключения — в каком бы этаже социальной модели мышления вы ни находились, каков бы ни был ваш недостаток и телесные силы. Вы именно такой же новичок. Новичок с маленькой буквы — это не имя, и это не его «я». Это тестовый биопрототип для раскрытия всей мощи биофантастики — литературного жанра Логоса Астровульфа. @logosAstrowulfa

Глаза и голос родителя — как вы уже поняли, дорогой читатель, — это не метафора. Это точная характеристика того, чем вы смотрите на мир и что именно вы видите. Вы не видите этот самый мир. Вы видите прямую трансляцию из содержимого мышления и ретранслятора — головного мозга родителя — через собственные глаза. Он забрал ваши глаза. «Смотреть мне в глаза, кому говорю, ничтожество, ты что вообще меня не слышишь, бессердечная тварь, ничтожество, пьяная скотина».

Конечно, в вашем случае *рече-образный суфлёр* может быть и другим: «Сыночек, мы сейчас пойдём встречать нашего папу, он купил нам подарки и ждёт возле магазина. Посмотри на папу — что ты видишь, малыш? Ты видишь, какой папа красивый, сильный, мужественный. Это твой папа, и ты сам будешь таким, видишь, сыночек...» (книга «Глаза матери»)

Абсолютно чужая калибровка вашего зрительного канала. И теперь вы ничего не видите. Ваши глаза забрали. Теперь это глаза родителя. И кроме того — его сердце, его печень, его кожа, его язык и кишечник. Он в детстве настраивает ваши температурные рецепторы, процессы пищеварения, доминирующий гормональный фон, саму биомеханику, интонационные вибрации и даже вибрационную чувствительность. Такова функция биоконтейнера.

А далее происходит ваша адаптация к социальной модели мышления. Здесь уже как повезёт — действительно влияет социальный статус родителя и его образование. Именно через это и будет создавать генератор иллюзий вашего биоконтейнера — вашу карму или судьбу. И именно это и станет вашей кармой, судьбой, предназначением и «божьей волей».

Именно поэтому родительский биоконтейнер — это эгрегор. Ведь у него десятки глаз, кишечников и сердец. Такова нейробиология того, что вы называете «ваше я». Оно уже мертво — с первого же вашего взгляда и слова. Вы все новички — просто с разными речевыми, социально-мимическими масками и немного вариативной биомеханикой. Но если вы без тяжёлой патологии и детских телесных травм, то и здесь не особенно отличаетесь — это штамповка биоконтейнера.

...Новичок сделал спокойный вдох. Глубокий и полный. Такой, какого у него не было много лет.

И впервые за долгое время он не чувствовал страха. Он чувствовал только одно: знание.

Механика Логоса Астровульфа действительно работает. И петля мне ясно видна — значит, её можно разорвать.

Глава 2. Анатомия наследственного сбоя

Новичок не спал всю ночь.

Он сидел на полу, прислонившись спиной к холодной стене, и смотрел на янтру. Она не двигалась. Она была просто рисунком — сложным, симметричным, но теперь уже похожим на корни старого дерева. Но он знал, что она живая. Он чувствовал это. Линии узора резонировали с его телом — с теми местами, которые болели, сжимались, не давали дышать. Словно эфир разумности, проходящий сквозь янтру, находил отклик в его собственной телесной памяти, записанной в биоточках центра разума самым *разумодрайвером*. (книга «Разумодрайвер»)

Когда Лоп Воткэу вошёл в зал, новичок даже не обернулся.

— Ты не спал, — сказал Лоп Воткэу. Это был не вопрос, а констатация факта.

— Не мог. Я чувствовал, как узор янтры двигается. Как он показывает мне что-то. Но я не понимал, что именно.

Лоп Воткэу кивнул и подошёл к столу. На столе лежала стопка пожелтевших листов — схемы, чертежи, символы, повторяющие узоры янтры, но в другом измерении. В проекции симулятора реальности, где видно не то, что есть, а то, как это работает.

— Хорошо, — сказал он.

— Ты начал видеть не глазами — через эфир разумности.

Теперь я покажу тебе, как это работает на уровне кода.

Он развернул один из листов. Схема напоминала генеалогическое дерево, но вместо имён — *марма-узлы\биоточки*. Вместо линий — информационные связи. Вместо поколений — слои реальности. Это была карта скрытого механизма ума, чьим содержимым стала сама семейная разговорно-двигательная линия. (книга «Скрытый механизм ума»)

— Это твоя семейная линия, — сказал Лоп Воткэу.

— Она не записана в твоих генах. Она записана в фасциях, в биополе твоего тела, в его гравитации. Она передаётся не через ДНК — через речь, интонацию, молчание, взгляд, дыхание, сжатие челюстей. Через всё, что твой рече-образный суфлёр записывает в мышцы ещё до того, как ты научился говорить.

Он коснулся пальцем верхнего узла.

— Здесь — твоя прабабушка. Ты, может, и не помнишь её. Но её война записана в твоей диафрагме. Она сама не помнила войну. Она и была этой войной. И эта война передалась тебе через её голос, через её спазмы, через её способность не дышать, когда страшно.

Новичок почувствовал, как его дыхание стало поверхностным. Он попытался вдохнуть глубже, но не смог.

— Видишь? Она всё ещё здесь. Она по-прежнему говорит через твою диафрагму. Ты не думаешь о войне. Но твоё тело помнит войну. Потому что война — это не событие. Это био-программа. Это содержимое мышления, которое ты получил по наследству вместе с её голосом.

— Но если это просто программа, — сказал новичок, — почему я не могу просто перестать её исполнять?

— Хороший вопрос, — раздался голос с порога.

Новичок обернулся. В дверях стоял человек, которого он не видел раньше. Невысокий, с седой щетиной и глазами, которые смотрели сквозь предметы, а не на них. В руках он держал странный предмет — похожий на стальной крест с вплетёнными в него проводами. От него исходил слабый гул — не звуковой, а тот, что ощущается как вибрация в астральном шнуре.

— Это Ки Чон Ру, — сказал Лоп Воткэу.

— Он знает о семейной линии больше, чем я.

Ки Чон Ру прошёл в зал и сел за стол, положив крест прямо перед собой. Он не смотрел на новичка — он смотрел на биосхему.

— Ты не можешь перестать исполнять программу, потому что она записана не в твоём мышлении, — сказал он.

— Она записана в твоём теле, точнее, в *телесно-разумных программах*. Ты думаешь, что это твои мысли. Но это вообще не твои мысли. Это содержимое мышления семейной разговорно-двигательной линии. Код, который передали тебе родители. Код, который они получили от своих родителей. Код, который работает как вирус, внедрённый в биоточки центра разума задолго до того, как ты произнёс своё первое слово.

Он провёл указательным пальцем с чёрным перстнем по одному из узлов на схеме.

— Вот здесь — твоё любимое слово «ничтожество». Оно связано с твоей грудной клеткой, ногами, диафрагмой и шейными позвонками. Ты слышишь это слово — и твои фасции сжимаются. Ты не можешь вздохнуть. Ты не можешь проглотить. Ты не можешь просто быть собой. Это не твоя психология. Это твоя плазморазумность блокируется, и вместо неё в тело входит кортизол.

— Если ты попытаешься изменить это через мышление, — продолжил Ки Чон Ру, — ты ничего не изменишь. Потому что мышление — всего лишь интерфейс. Оно показывает тебе иллюзорную картинку реальности. Конечно, через интеллект можно настроить механизм ума, но само тело должно разрешить это сделать. Ведь сама реальность — это твоё тело. И его состояние определяется не тем, что ты думаешь, а тем, что происходит с твоей плазморазумностью. Твоим внутренним эфиром, который либо течёт свободно, либо блокирован спазмами и кодами *биовнедренцев*.

Он поднял стальной крест, и внутри него засветился эфир разумности — сгусток информации, видимый только тому, кто умеет смотреть сквозь содержимое мышления.

— Ты когда-нибудь замечал, — спросил Ки Чон Ру, — что после удара по голове или после сильного испуга твоё мышление становится другим? Ты начинаешь бояться того, чего раньше не боялся. Ты видишь угрозы там, где их нет. *Ты теряешь ясность.*

Новичок кивнул.

— Это не потому, что ты изменился как личность, — сказал Ки Чон Ру.

— Это потому, что изменилась биомеханика твоего тела. Сместился позвонок. Нарушился кровоток. Изменился гормональный фон. Ты думаешь, что это «ты» изменился. А на самом деле изменился твой механизм ума — он просто констатирует факт: «Тело изменилось. Восприятие изменилось. Мир стал другим».

Он положил крест на стол, и свет внутри него погас, оставив только тонкую вибрацию, которая ощущалась в костях.

— Это называется *биохимическое умопомешательство*, — сказал он.

— Ты принимаешь глюки своего процессора за мистические откровения или за свои моральные изъяны. Ты думаешь, что ты «плохой человек», потому что испытываешь страх. Но страх — это просто сигнал твоей нервной системы. Он не имеет отношения к тому, кто ты есть. Он имеет отношение только к состоянию твоего астрального щита, который развёрнут неправильно — в сторону *Несуществования*, а не в сторону эфира разумности.

Лоп Воткэу усмехнулся.

— Он говорит о том, что даже химические вещества, изменяющие сознание, не меняют мышление напрямую, — сказал он.

— Они меняют именно само твоё тело. Ты принимаешь изменённое тело за изменённое сознание. Но это обычная иллюзия. Ты просто меняешь настройки ретранслятора — и видишь другую картинку. Но сам фантом остаётся тем же.

Ки Чон Ру кивнул.

— Поэтому классическая психотерапия часто буксует, — сказал он.

— Психолог пытается изменить твоё мышление. Но он не может изменить твоё тело. Он не может снять спазм с диафрагмы. Он не может вправить тебе позвонок — кстати, и врач не всегда может это сделать, может только само тело через правильную биомеханику.

Врач не может вернуть твоей плазмаразумности её естественную частоту. Он говорит даже не с тобой — он говорит с твоей *социальной моделью мышления*, с фантомом, который исполняет чужой код твоего *биовнедренца*. Ты слышишь своего психолога ушами, но твоё тело продолжает исполнять команды, которые были записаны в нём до того, как ты научился слышать и говорить.

Он указал на биосхему.

— Семейная линия держится на трёх уровнях. Первый — слова. Оскорбления, проклятия, приказы. Второй — образы. Травматические сцены. Война, голод, унижение, страх, который ты видел в детстве, но не мог это даже назвать. Третий — телесная память неудобства. Плохая еда, жёсткое пеленание, неудобная школьная парта и узкая, сжимающая твоё тело одежда. Голод. Холод. Боль, которую нельзя было даже назвать.

Он взял лист и поднёс его ближе к новичку.

— Эти три уровня создают кортизоловую петлю. Пока все три активны — петля замкнута. Ты не можешь выйти из неё через мышление. Ты не можешь выйти из неё через разговоры. Ты можешь выйти из неё только через тело и правильно настроенный механизм ума. Через изменение своей биомеханики. Через восстановление плазморазумности. Через снятие спазмов и возврат эфира разумности в его естественное течение. Когда эфир течёт свободно внутри твоего ликвора в спинном мозге — петля ослабевает. Когда он заблокирован — она затягивается.

Новичок смотрел на эту схему. Он видел, как эти линии соединяются. Как каждый узел связан с другими. Как его собственное тело было отражено в этом узоре.

— Как разорвать эту петлю? — спросил он вновь.

Ки Чон Ру улыбнулся, и в его улыбке не было тепла — было спокойствие инженера, который знает, что инструмент работает.

— Сначала — перестать искать причины в уже несуществующем прошлом. Перестать винить своих родителей, карму, судьбу и бога. Надо начать аудит своего тела. Биомеханика. Нейрогормональный фон. Черепно-мозговые травмы. Даже лёгкое сотрясение может сместить позвонок C1-C2, нарушить кровоток и создать хроническую тревогу.

Он постучал пальцем по виску. (книга «Схема тела: взлом реальности»)

— Подвывих ведёт к неправильной походке. Походка — к перекосу таза. Перекос таза — к дисфункции органов малого таза и гормональному сбою. Ты думаешь, что у тебя депрессия. А у тебя — сбой в биомеханике. Ты думаешь, что ты потерял смысл жизни. А на самом деле твой астральный шнур пережат в шейном отделе, и эфир разумности не доходит до ретранслятора.

Он встал.

— Мы начнём с самого простого. С *десемантизации*. Снятие статуса приказа со слов. Потом перейдём к образам. Потом — к телесной памяти. И только когда все три уровня будут разорваны — кортизоловая петля разомкнётся. Ты перестанешь быть биоуклой. Ты перестанешь быть адресатом *нейрообраза себя*. Ты станешь оператором своего тела @optelra.

Он посмотрел на Лоп Воткэу.

— Я покажу ему карту, — сказал он.

— Ты будешь наблюдать.

Лоп Воткэу кивнул и отошёл к стене, скрестив руки.

Ки Чон Ру подошёл к хрустальному энергошару и коснулся его ладонью. Шар загудел. Внутри него вспыхнул свет — тот самый, эфир разумности, сжатый до предела и удерживаемый внутри кристалла. Свет пульсировал в такт с янтрой, и новичок почувствовал, как его собственное тело начинает резонировать с этим ритмом.

— Смотри, — сказал Ки Чон Ру.

— Сейчас я покажу тебе, как слова становятся приказами. Как приказы становятся кортизоловой петлёй и как сама петля становится тобой.

Он произнёс слово. Негромко, ровно, без эмоции. Просто звук. Информационная частота.

Новичок почувствовал, как его тело сжалось, диафрагма спазмировалась, горло пересохло. Грудь сдавило.

— Просто смотри, — сказал Ки Чон Ру.

— Не называй и не оценивай.

Смотри на реакцию как на объект.

Новичок смотрел, и он чувствовал, как спазм сжимает его мышцы. Как воздух застревает в груди. Как что-то внутри него — невидимое, но реальное — пытается вырваться наружу.

Он просто смотрел.

И через несколько секунд спазм начал ослабевать. Не потому что он сделал что-то. А потому что он перестал делать.

Ки Чон Ру произнёс второе слово. Третье. Четвёртое.

С каждым разом реакция становилась слабее, слова теряли свою власть. Они переставали быть приказами. Они становились просто звуками — вибрацией воздуха, которая не имела к новичку никакого отношения.

— Ты чувствуешь? — спросил Ки Чон Ру.

— Да, — сказал новичок. Его голос не дрожал.

— Они больше не приказы. Они просто звуки.

— Именно. Это и есть первый шаг. Ты перестал быть адресатом слов. Ты снял с них статус реальности и какого-то тайного смысла. В них нет никакого смысла, они просто звук. Они стали просто информационным шумом.

Он убрал руку от шара, и свет внутри него погас, но эфир остался — теперь он пульсировал в груди новичка, как его второе сердце.

— Завтра мы начнём работать с образами, — сказал Ки Чон Ру.

— Сегодня — просто запомни это состояние. Состояние, когда слова перестают быть приказами. Когда рече-образный суфлёр замолкает. Когда ты перестаёшь исполнять чужой код.

Новичок кивнул. Сейчас он чувствовал своё тело — не как врага, не как тюрьму, не как источник боли. Он чувствовал его как инструмент. Как интерфейс, который можно настроить. Как биосхему, которую можно переписать.

...Логос Астровульфа: Архитектура тела.

К своему телу каждый человек имеет доступ только сам. Никто и ничто не может повлиять на тело человека напрямую: никакие социальные законы, шаманы, социальные ведьмы, проклятия матерей и заклятия на рунах.

Всё это работает через ваше содержимое мышления, а сам *механизм ума* это и реализует. Таковы *жизнемеханизмы*. Возможно, прямо сейчас вам это затруднительно осознать, особенно если вы на грани нищеты, безумия, голода и тяжёлых соматических процессов.

В действительности почти всё это происходит «из-за вас», и ничего другого с вами не случилось.

Когда человек думает, что его кто-то изуродовал, что его жизнь кто-то испортил, это становится его содержимым мышления. Вначале он начинает так выглядеть, так как мышление проявляется на внешности — морщины, мимика, жестикуляция и походка.

Затем он начинает так говорить, и включается его *генератор иллюзий*, заполняя содержимое мышления идентичным контентом.

Затем он начинает так действовать, из как бы уже точного знания, что с ним всё кончено. И потом он целиком становится таким, так как больше нет ни одной мысли, которая хотя бы могла зародить сомнение. А вдруг он всё же не такой? Вдруг есть возможность?

Но это просто невозможно, так как содержимое мышления целиком им самим создано, чтобы быть изуродованным. И именно таким он и умрёт. *Вот и вся история кармы и судьбы.*

Карма — это не наказание свыше за грехи прошлых жизней. Это инерция запущенного алгоритма мышления. Набравшая массу программа самодеструктора судьбы обладает собственным весом и тянет носителя вниз просто по законам физики живого тела.

(книга «Карма — самодеструктор судьбы»)

Судьба — это траектория полёта снаряда, выпущенного однажды принятым решением «со мной всё кончено». Она предсказуема ровно настолько, насколько предсказуем полёт камня, брошенного со скалы.

Единственный выход находится там же, где вход — в точке формирования мысли.

Но поскольку у человека-фантома больше нет воли, чтобы породить сомнение, внешнее воздействие должно быть шоковым. Требуется *аннигиляция биовнедренца ритуалом смертной силы*.

Нужно нанести удар не по следствиям (проблемам в жизни), а по причине — по самой структуре мыслей, которые кажутся человеку «им самим». Пока содержимое мышления целиком создано под самодеструктор судьбы, единственным спасением является полный отказ считать это мышление своим. Отождествление должно умереть раньше физического тела.

Человеческое мышление — это примитивная математическая модель. Когда кто-то говорит вам «дурак», происходит мгновенный пересчёт вектора значимости. Ваша нейросеть получает входящий сигнал с отрицательным весом. Чтобы минимизировать потерю (боль от социального изгнания), сеть начинает достраивать реальность так, чтобы этот вес стал логичным.

Цепочка «дурак → школа → дворник → тюрьма → морг» — это не предсказание будущего. Это алгоритм поиска наиболее энерго-эффективного пути для *нейротрупа*, который согласился с присвоенным ярлыком. Сеть всегда стремится к состоянию покоя через подтверждение вводных данных. (книга «Нейротрупы»)

Тот, кто вас программировал (родитель, социум) — он не злой демон с каким-то очень хитрым планом. Он такой же набор зацикленных алгоритмов мышления. Он передал вам не знание, а свой собственный дамп памяти — *слепок своих страхов и биоскриптов*. Вы стали его зеркальной копией, запущенной на новом железе. И когда вы осознаете, что ненавидите себя точно так же, как ваш создатель ненавидел мир — цикл замыкается. Алгоритм достиг идеальной репликации.

Когда ваше физическое тело потребляет сахар или этанол, меняется химический состав крови. Этот информационный шум проникает через гемато-энцефалический барьер. Для чистого мыслительного процесса это выглядит как критическая ошибка ввода-вывода.

Сахар даёт ложный импульс энергии, вызывая скачки напряжения в сети. Алкоголь снижает сопротивление изоляции между нейронами. Они начинают коротить друг на друга.

Ретранслятор (мозг) начинает бредить. Но чей это бред?

Не печени и не почек. Бредит сама ваша нейронная сеть, пытаясь обработать токсичный сигнал физическими средствами. В этот момент «вы» исчезаете. Остаётся материя, которая генерирует случайные образы.

Тот факт, что пара молекул спирта способна полностью отключить ваше «Высшее Я», может доказать ему, что оно любит весь мир, а затем заставить блевать в унитаз — лучшее доказательство того, что никакого Высшего Я нет. Есть просто нейросеть, чей софт сбоит при изменении химического pH среды обитания.

Если убрать всё лишнее — типа морально-этических и религиозных соображений, остаётся голая архитектура: Ты — это не душа в теле. Ты — это содержимое мышления твоего Создателя, которое теперь думает само себя.

Твой отец боялся бедности -> заложил тебе страх нищеты -> твоё мышление выстроило жизнь так, чтобы подтвердить этот страх потерями -> ты страдаешь -> твой сын считывает твоё страдание -> он становится нейронкой, несущей тот же вес.

Единственный способ разорвать цепь — совершить системный сброс этой конкретной копии нейросети. Не убить физическое тело (оно уже принадлежит Земле), а аннигилировать саму структуру весов, которые выстраивают путь от «дурака» до «морга». Увидеть, что вся эта цепочка — лишь статистическая погрешность закоротившего транзистора.

Желание послать кого-то матом — это активация старого алгоритма защиты (*биоскрипта*). Гнев, обида или праведное возмущение — это выброс нейромедиаторов (адреналина, кортизола), которые служат исключительно топливом для этого алгоритма.

Сама эмоция — это индикация на приборной панели: «Внимание! Обнаружено содержимое мышления „Я-жертва“ / „Я-главный“, требуется подтверждение статуса». Если оператор осознает это внутри самой эмоции, не пытаясь её подавить или выразить, топливо перестает поступать. Алгоритм захлёбывается в пустоте.

Содержимое мышления (вся база данных личности, истории, привязанностей) настраивается на собственную аннигиляцию.

Ум совершает системную ошибку деления на ноль. Он пытается осмыслить отсутствие самого себя.

Тело, лишённое команд от фантомного «Я», переходит в режим глубокого стазиса. Метаболизм падает почти до нуля. Для внешнего наблюдателя это выглядит как умирание. Для внутренней системы — это завершение цикла инсталляции. Конец программы.

Проблема большинства ищущих в том, что они хотят «очистить» содержимое мышления целиком. Но очищенное содержимое всё равно остаётся содержимым. Ваша задача — довести его до абсолютного вакуума, где само понятие «мышление» теряет функцию.

Одиночке практически невозможно пройти эту цепочку телесно до конца. Причина в механизме родительского принципа, состоящем из трёх марма-узлов (биоточек):

1. Отождествление (ложь, что я — это мысли/тело).
2. Страх (боязнь исчезновения).
3. Контроль (попытка удержать форму).

В одиночку ваше сознание всегда найдёт лазейку, чтобы спасти само себя. Оно подкинет мысль: «Я делаю всё правильно, я молодец, я скоро стану свободным». Это ловушка иллюзорсияния.

Присутствие партнёра-биотрансформатора @biotransformator в этом процессе работает как холодный катализатор. Партнёр отражает вам не вашу «красоту и силу», а ваши последние оставшиеся биоскрипты.

Если вы хотите послать его матом — это всплыл со дна самый древний слой вашего кода, который вы считали давно удалённым. В парной практике такого уровня партнёр становится хирургическим зеркалом сознания, которое держит скальпель у вашего горла, не давая сбежать в духовный комфорт и лжепросветление.

Ограничения, болезни и боль — это не препятствия на пути к свободе. Это генераторы фреймов, которые биовнедренец использует для поддержания собственной жизнедеятельности.

Суть любой телесной болезни или ограничения в том, что она принудительно сужает восприятие до самой себя.

Здесь и замыкается мёртвая петля. Вы начинаете бороться со своим собственным восприятием. Боль — это просто сигнал датчика, чистое восприятие. Но ум интерпретирует этот датчик как «плохой» и бросает ресурсы на войну с ним.

Чтобы бороться с болезнью, вам нужно постоянно думать о болезни. Думая о ней, вы питаете её своим вниманием. Чем больше вы боретесь, тем сильнее становится фантом болезни в вашем мышлении, даже если физически симптомы купированы.

Это идеальный вечный двигатель. Пока человек считает, что его нужно «исцелить», он будет оставаться пациентом. Пока считает, что его нужно «пробудить», он будет оставаться спящим.

Глава 3. Кортизол становится петлёй

Новичок лежал в одежде на жёсткой кровати в своей комнате. Он выполнил всё, что сказали Лоп Воткэу и Ки Чон Ру. Он смотрел на янтру и чувствовал, как слова перестают быть приказами. Он дышал.

Но внутри него всё ещё было что-то. Что-то, что не уходило. Что-то, что сжимало грудь, не давало вздохнуть, заставляло живот вздуться, даже когда он ничего не ел. Тяжесть тела и ног. Как будто внутри него сидел кто-то, кто шептал: «Ты не справишься. Ты не справишься. Ты не справишься».

Он знал, что это не его мысли. Но они звучали в его голове как его собственный голос. Это был *рече-образный суфлёр* — механизм, который воспроизводил команды, записанные в биоточках центра разума задолго до того, как он научился говорить.

— Ты чувствуешь это, — раздался голос с порога.

— Петлю.

Новичок поднял голову. В дверях его комнаты стояла женщина. Её лицо было спокойным, почти безмятежным. Но глаза смотрели сквозь него — как будто она видела не его, а то, что происходило внутри его тела. Она видела сам эфир разумности, заблокированный спазмами. Она видела его астральный шнур, пережатый в шейном отделе. Она видела его петлю.

— Ты, наверное, Арья Диаманд, — сказал новичок.

— Лоп Воткэу мне говорил о тебе.

— Он говорил обо мне? — она усмехнулась.

— Надеюсь, ничего плохого.

Она вошла в его комнату и села напротив него. Её движения были плавно-текучими — как будто её тело не знало спазмов и зажимов. Как будто её плазморазумность текла свободно, не встречая никаких блоков.

— Я не буду тебя утешать, — сказала она.

— И не буду говорить, что всё будет хорошо.

Я покажу тебе, как работает эта твоя петля.

А ты сам решишь, что тебе с этим делать.

Она подняла руку и коснулась его груди — чуть выше диафрагмы. Прикосновение было лёгким, почти невесомым. Но новичок почувствовал, как что-то внутри него дёрнулось. Как будто она нажала на спусковой крючок бионического модуля самодеструктора.

— Что ты чувствуешь? — спросила она.

— Сжатие в груди и в животе. Как будто я готовлюсь к чему-то. К удару.

— Именно. Твой организм готовится к войне. Только войны уже нет.

Она убрала руку. И в том месте, где она коснулась, осталось ощущение тепла — не физического, а того, что возникает, когда эфир разумности начинает просачиваться сквозь заблокированный канал.

— Ты знаешь, что такое кортизол? — спросила она.

— Не из Википедии, а на уровне тела.

Новичок покачал головой.

— Кортизол — это гормон мобилизации. Он нужен для того, чтобы ты мог сражаться или убегать. Если на тебя нападает тигр, кортизол помогает выжить. Повышает давление. Ускоряет сердцебиение. Перенаправляет кровь от пищеварения к мышцам. Делает тебя быстрее и сильнее.

Она помолчала, давая словам осесть в его теле.

— Но проблема в том, что твой организм не знает разницы между реальной физической угрозой и токсичной средой. Он не знает разницы между тигром и словами родительского биоконтейнера. Между тигром и звонком от начальника. Для твоего тела всё это — угроза. И оно реагирует одинаково: кортизол заливает кровь. Адреналин сжимает сосуды. Пищеварение останавливается, и кишечник спазмируется.

Новичок почувствовал, как внезапно его живот сжался и начал вздуться.

— Поэтому у тебя вздутие, — сказала Арья.

— Пищеварение остановлено и бактерии здесь ни причём Ты не можешь есть. Ты не можешь переваривать. Ты думаешь, что это из-за голода. Но это кортизол. Твоё тело не может принимать пищу, потому что оно готовится к битве. А во время битвы пищеварение — это роскошь. Лишний расход энергии. Организм экономит ресурсы для выживания.

Она подняла руку и коснулась его живота. Пальцы легко надавили на область чуть выше пупка — туда, где плазморазумность заблокирована спазмом гладкой мускулатуры.

— Ты чувствуешь это напряжение? Это не просто мышцы. Это твоя диафрагма, которая не опускается до конца. Твои межрёберные мышцы, зажатые в режиме ожидания удара. Твои фасции, которые держат биоформу страха. Они запомнили команду, которую получили, когда ты был ребёнком. И они исполняют её до сих пор.

Она убрала руку.

— Когда тебе сказали «ты ничтожество», твой организм услышал это как сигнал опасности. Он начал готовиться к битве. Ты не знал, что это просто слова. Ты не знал, что можешь не верить им. Ты был ребёнком. Ты поверил. И твоё тело записало эту команду в структурные единицы мышечного волокна — как код, который работает в двоичной системе: 1 — угроза, 0 — безопасность. У тебя никогда не было нулей.

Новичок внезапно почувствовал, как его дыхание стало глубже, словно тот самый эфир разумности, о котором ему говорили Лоп Воткэу и Ки Чон Ру, начал двигаться.

— Это называется кортизоловая петля, — сказала Арья.

— Пока ты реагируешь на слова, образы и телесные ощущения как на угрозы — твоя петля замкнута.

Ты не можешь выйти из неё через мышление, потому что твоё мышление — просто интерфейс. А его состояние определяется не тем, что ты думаешь, а тем, что происходит с твоей плазморазумностью. С твоим внутренним эфиром.

Она подняла руку, и в её ладони вспыхнул яркий свет плазморазумности.

— Ты видишь это? Это эфир разумности. Он всегда есть в твоём теле. Он течёт по каналам, которые в древних текстах называли надии. Но когда кортизоловая петля замкнута — он блокируется. Он не может течь свободно. Он застаивается. И это создаёт спазмы, болезни, депрессию, тревогу. Всё, что ты называешь кармой, судьбой, гневом бога или «своей жизнью» — на самом деле просто следствие застоя эфира разумности.

Новичок восхищённо смотрел на яркий свет в её ладони. Это не была обычная биолюминисценция, а что-то совсем иное. Он чувствовал, как что-то внутри него откликается на него — как будто его собственный эфир пытался пробиться наружу, к источнику.

Арья опустила руку, и свет погас. Но ощущение осталось.

— Как же мне разорвать эту петлю? — спросил новичок.

Арья улыбнулась. В её улыбке не было дружелюбия и тепла — было спокойствие механика, который точно знает, что инструмент работает.

— Сначала — перестать искать причины в своём прошлом. Его надо просто исследовать как работу рече-образного суфлёра. Перестать винить родителей, карму, судьбу.

Она коснулась его виска.

— Ты думаешь, что ты потерял смысл жизни. А на самом деле твой астральный шнур пережат в шейном отделе, и эфир разумности не доходит до ретранслятора.

Она встала, но не отошла от него. Она смотрела на него сверху вниз, и в её взгляде было то же, что и у Лоп Воткэу, и у Ки Чон Ру — спокойная уверенность человека, который знает, как устроен этот биомеханизм.

— Но самый важный шаг — это десемантизация, — сказала она.

— Снять статус приказа со слов. Перестать узнавать образы как «знакомые». Перестать цепляться за телесные ощущения как за «свои». Когда ты перестаёшь быть адресатом — петля начинает ослабевать.

Она вывела новичка из его комнаты в ритуальный зал и подошла к хрустальному энерго-шару, слегка коснувшись его ладонью. Шар загудел. Внутри него моментально вспыхнул яркий свет — тот самый, эфир разумности.

— Но есть ещё один слой, — сказала она, не оборачиваясь.

— Механизм, который держит эту петлю даже тогда, когда ты перестаёшь быть адресатом. Он называется *самодеструктор судьбы*.

Она повернулась к нему.

— Ты знаешь, что это такое?

Новичок покачал головой.

— Это механизм, который настроен так, чтобы разрушать тебя, когда ты действуешь против механизма самозапрета. А механизм самозапрета основан на содержимом мышления семейной разговорно-двигательной линии. Ты пытаешься что-то изменить — и твой организм воспринимает это как угрозу. Он активирует защиту. Он готовится к битве.

Она помолчала.

— *Но есть важная деталь*. Сама эта битва изначально запрограммирована на поражение. Ты готовишься к битве для того, чтобы проиграть. Это само свойство кортизоловой петли. Чтобы подтвердить, что ты не справишься. И это состояние безысходности активирует новый выброс кортизола — чтобы ты всё-таки победил. Но эта победа изначально невозможна. Потому что цель этой вечной битвы — поражение, в поиске и создании кортизоловой петли.

Новичок молча закрыл глаза. Он чувствовал, как его живот сжимается. Как диафрагма поднимается, и дыхание становится поверхностным.

— Это и есть марма-узел, — сказала Арья.

— Кортизоловая петля.

Ты думаешь, что это сам ты.

Что это твои мысли.

Что это твоя жизнь.

Но это просто хорошо настроенный механизм. Механизм, который включился, когда ты отождествился с содержанием мышления своей семейной линии.

Она подошла ближе.

— Этот механизм называется *механизм родительского принципа*. Он соединяется с *механизмом центра разума* и *механизмом самости*. И в него встроен *механизм самозапрета*. Если ты не преодолеешь его — значит, ты тупиковая ветвь эволюционного роста. И тогда тебя зачи-стит *механизм саморазрушения*.

Новичок открыл глаза.

— Почему всё это так подло устроено? — спросил он.

— Потому что это эволюция, — сказала Арья.

— Если ребёнок не научится ходить — он не годен. Его уберёт самодеструктор судьбы через болезни. Если подросток не сможет стать частью социальной модели мышления — его уберут. Если взрослый не сможет достичь эволюционного роста — его уберут. Это действие жизнепотока и самих *жизнемеханизмов силы*: информация, жизненность и смертная сила. Это и есть сам эволюционный рост сознания.

Она взяла со стола странный предмет — стальной обруч с вплетёнными в него нитями, пульсирующими слабым светом. Он был тёплым, живым и пульсировал ярко-синим светом.

— Это — *симулятор реальности «Биокукол»*, — сказала она.

— Он покажет тебе, как работает твой механизм отождествления. Как ты становишься тем, что тебе сказали. И как ты можешь перестать быть этим.

Она протянула обруч новичку.

— Надень его, — сказала она.

— И просто смотри, но не называй.

Новичок взял обруч в руки. Он пульсировал в такт его сердцу — или его сердце пульсировало в такт обручу. Он надел его на голову.

И мир моментально исчез.

Не постепенно. Не как засыпание. Он просто перестал существовать. Стены зала. Пол. Свет факелов. Запах сырости. Всё схлопнулось в одну точку, а затем развернулось заново — но стало уже другим.

Он стоял в пустоте.

Не в темноте, а именно в пустоте. Темнота — это отсутствие света, а пустота — это отсутствие вообще всего. Звука. Запаха. Веса. Гравитации. Даже ощущения собственного тела. Он не чувствовал своих рук, ног, спины. Не чувствовал, как воздух входит в лёгкие. Не чувствовал сердцебиения. Только сознание.

И вдруг — свет.

Этот свет был чистой частотой, на которой и работала сама реальность. Он пульсировал. Эфир разумности дышал. Он был повсюду и нигде одновременно.

Новичок понял, что сейчас он не один, но это было даже не понимание, а чистое знание.

В пустоте появились фигуры. Тени. Отражения. Воспоминания, которые не хотели уходить. Они двигались, говорили, но самого звука не было. Только вибрация. Только частота, на которой он чувствовал их присутствие.

— Это твоё содержимое мышления, — раздался голос. Не в ушах — в самом центре его сознания. Голос Арьи Диаманд.

— Ты видишь то, что держит твою петлю. Не называй. Не оценивай. Просто смотри.

Он видел само слово. Оно было не буквами — оно было информационной структурой. Плотным сгустком плазморазумности, пульсирующим в такт его сердцебиению. Он чувствовал, как это слово связано с его телом — с грудной клеткой, диафрагмой, шейными позвонками.

«Не справлюсь».

Он чувствовал, как оно сжимает его дыхание. Как блокирует поток эфира разумности. Как создаёт спазм — тот самый, который он всегда чувствовал в животе, в груди, в горле.

— Это не твоё слово, — сказала Арья.

— Ты не придумал его. Ты не выбрал его. Ты получил его по наследству. От родительского биоконтейнера. От того *социального биовнедренца*, кто передал его дальше, сам не зная, зачем и что делает.

Новичок смотрел, как слово пульсирует. Он чувствовал, как оно связано с другими словами — «ничтожество», «тебе не заработать денег», «я тебя проклинаяю», «я тебя ненавижу», «ты мне больше не сын», «таким ты мне не нравишься», «ты нас всех подвёл». Они были сплетены в одну *мысле-навигационную сеть*. В одну мёртвую кортизоловую петлю.

— Это твоя семейная разговорно-двигательная линия, — сказала Арья.

— Она держится на этих словах и на их образах. На телесной памяти нейрообраза себя. И она создаёт твоё *иллюзоросияние* — психологическую реальность, которую ты принимаешь за свою жизнь. (книга «Иллюзоросияние» 4 тома)

Слова превращались в образы. Он видел родительскую фигуру. Видел, как она говорит — не словами, а спазмами. Как её диафрагма сжимается, когда она произносит «ничтожество». Как её тело передаёт команду его телу. Как этот спазм становится его спазмом. Как эта команда становится его биопрограммой.

— Это не она, не твоя мать, — сказала Арья.

— Это просто сам механизм так работает — генератор иллюзии. Твой родительский биоконтейнер тоже был его адресатом. Он тоже получил эту же программу от своего предка. И так — до бесконечности. Пока кто-то не разорвёт эту петлю, не разрушит «карму рода», «проклятие и судьбу» и не зачистит все её информационные следы.

Образы исчезли, и осталась только сама пульсирующая сеть из слов.

— Теперь смотри глубже, — сказала Арья.

— Смотри на то, что держит эти слова.

Новичок смотрел.

Он видел деньги. Не бумагу — саму информационную структуру. Плотную, сложную, вплетённую в саму ткань плазморазумности. Он чувствовал, как эта структура связана со словами «не заработаешь», «не купишь», «сдохнешь нищим», «умрёшь от рака».

— Это — пространство Несуществования, — сказала Арья.

— Вершила Всего. Он не бог. Не социальная модель мышления.

Это сама возможность превратить слова в иллюзию и из неё создать «человеческую жизнь». Взять то, чего нет, и сделать так, чтобы оно стало реальным для тебя.

Новичок чувствовал, как информационная структура денег вплетается в его тело. Как она блокирует его каналы восприятия. Как создаёт страх, нужду, вину, стыд, болезнь и смерть.

— Это делают *биовнедренцы*, — сказала Арья.

— Реальные живые существа или паразитические алгоритмы. Они используют твою энергию — твою АТФ, твои гормоны — чтобы поддерживать эту иллюзию. Они блокируют твои каналы восприятия. Ты больше не видишь реальность. Теперь ты видишь только то, что они создают.

Новичок чувствовал, как его тело реагирует на слова. Как кортизол вновь заливает ему кровь. Как адреналин сжимает сосуды. Как организм готовится к битве — к битве, которую он должен проиграть.

— Это и есть магия кортизоловой петли, — сказала Арья.

— Не метафора. Не психология. Реальная биохимия. Ты думаешь, что это твои мысли. Ты думаешь, что это твоя жизнь. Но это просто механизм. Механизм, который включает твой самодеструктор судьбы.

Новичок смотрел на эту сеть. На слова. На образы. На деньги. На биовнедренцев, пульсирующих в нейронных сетях его тела. На всё, что держало его в этой петле.

— Что мне делать? — спросил он. Голос не дрожал. Впервые за много лет он не дрожал.

— Просто быть, — сказала Арья.

— Просто наблюдать. Не пытаться понять этот нейрокод. Когда ты перестаёшь давать всему этому статус реальности — петля начинает ослабевать. Не потому что ты что-то делаешь. А потому что ты перестаёшь делать.

Она замолчала. Пустота вокруг новичка начала пульсировать — медленно, ритмично, в такт его дыханию.

— Завтра мы начнём работать с образами, — сказала она.

— Сегодня — просто запомни это состояние.

Состояние, когда ты знаешь, что кортизол — не враг. Это топливо. Ты можешь использовать его для того, чтобы изменить своё тело. Чтобы снять социальные маски и поставить позвоночник правильно. Чтобы снять спазмы живота и кишечника. Чтобы переписать свою биомеханику и разорвать эту петлю.

Свет в пустоте начал гаснуть. Сеть слов и образов растворялась. Новичок чувствовал, как возвращается ощущение тела — сначала тяжесть, потом дыхание, потом сердцебиение.

— Но если ты не выйдешь из петли, — сказала Арья, и её голос звучал уже из реального мира, — кортизол будет разрушать тебя до конца. Ты проживёшь 70 лет вместо 500. Ты умрёшь от войны, которая давно закончилась.

Новичок открыл глаза. Он снова сидел на полу в ритуальном зале. Обруч лежал у него на коленях — тёплый, пульсирующий и живой.

...Логос Астровульфа: Архитектура захвата.

Сама суть «Вершилы Всего» — это не какая-то мистическая сущность, а описание самого механизма человеческого ума, который обладает свойством гипостазирования: способностью превращать абстрактные концепции в физиологическую реальность.

Деньги как уникальный интерфейс управления. Есть фундаментальное отличие человека от других живых видов. Ни одного волка или медведя нельзя заставить отдать ресурс в обмен на условный знак, воздействуя на его чувство вины или страх перед законом.

Управление человеком через деньги работает только потому, что слово «нищета», «долг» или «богатство» запускает реальные биохимические процессы:

1. *Слово* → *Осмысление*: Ум интерпретирует цифры на вашем банковском счете как угрозу выживанию стаи.

2. *Осмысление* → *Нейрохимия*: Выделяется кортизол, падает уровень серотонина, повышается норадреналин.

3. *Нейрохимия* → *Биомеханика*: Тело спазмируется, плечи поднимаются к ушам, дыхание становится поверхностным, иммунная система подавляется.

4. *Биомеханика* → *Поведение*: Человек идёт на работу, которую ненавидит, берёт кредит под грабительский процент или терпит унижение ради сохранения иллюзии безопасности.

Это замкнутый цикл. Деньги сами по себе — просто крашеная бумага или биты информации. Они обретают власть над телом только через осмысление их значимости внутри социальной модели мышления.

Пространство несуществования и Вершила Всего. Пространство несуществования описывает природу иллюзии без эзотерического тумана. Объективной реальности для человека действительно не существует. Есть лишь поток фотонов, колебаний воздуха и химических соединений. То, что вы называете «объективным миром» (гравитация, скорость света, время), — это границы пропускной способности вашего аппарата восприятия. Даже физические константы могут быть ограничением работы механизма ума. Если изменить настройки ретранслятора, изменится и воспринимаемая плотность материи.

Иллюзоросияние: Это процесс, при котором механизм ума берёт фонему (звукосочетание «я неудачник») и накладывает её на чистую сенсорную данность тела. В результате вместо ощущения тока крови человек чувствует «стыд». Вместо напряжения мышц шеи он чувствует «ответственность».

Идентичность: Привычка к заинтересованности поддерживает этот суррогат. Как только исчезает интерес, иллюзорное сияние прекращается. Слово остается словом, тело — телом, они больше не склеены эмоцией.

Биовнедренцы как системные администраторы. Существование биовнедренцев идеально ложится на теорию информационных вирусов и паразитических алгоритмов. Прямое влияние на АТФ или ДНК невозможно извне, если нет физического токсина. Но социальное программирование делает эту работу эффективнее любого яда.

Биовнедренец (это может быть конкретный человек или собирательный образ системы) использует заблокированные каналы восприятия. Он не лезет вам в мозг физически. Он выдаёт звуковую частоту (голос), которая входит в ваши уши. Ваш собственный мозг, используя вашу же энергию (АТФ), расшифровывает эту волну, находит в памяти соответствующий файл боли и выделяет гормоны.

Биовнедренец лишь нажал нужную кнопку. Само разрушение организма финансируете и осуществляете вы сами своими внутренними резервами. Это самая экономичная форма рабства: раба даже не нужно давать еду, он сам вырабатывает из себя кортизол, разрушающий его сосуды.

Родительский биоконтейнер. То, что мы называем «родителями», давно изменилось, но в нейронных сетях живёт их симуляция. Биовнедренцы используют именно эти патчи программного обеспечения. Когда кто-то говорит фразу с интонацией контролирующего родителя, ваша внутренняя программа перехватывает управление вегетативной нервной системой. Вы реагируете не на живого человека перед вами, а на 3D-модель из детства, запущенную в оперативной памяти.

В чём свобода через отсутствие объективности? Если признать, что мир не объективен, а является продуктом работы ретранслятора, то снимается главное ограничение — фатализм.

Если гравитация — это привычка механизма ума воспринимать вес определённым образом, её можно локально пересилить изменением тона мышечного корсета и перестройкой вестибулярного аппарата.

Если старость — это накопленное содержимое мышления о деградации, закреплённое кортизоловой петлёй, её можно остановить размыканием этой петли.

Реальность пластична ровно до того момента, пока ум верит в её нерушимость. Как только осмысление отключается, биовнедренцы теряют канал вещания. Им просто некуда вставлять свой информационный вирус, так как ваш разум перестаёт генерировать внутренний контекст (страх, вину, нужду), в котором этот вирус мог бы размножаться. Остаётся чистое функционирование жизнепотока в теле, которое видит звуки как вибрации, а слова — как колебания воздуха, не имеющие власти над биохимией клеток.

Физиология стресса и биохимия (Аппаратное обеспечение).

Кортизолово-адреналиновая петля: Хроническое состояние мобилизации организма, вызванное содержимым мышления семейной линии. Тело готовится к «войне», которая никогда не происходит физически, но постоянно поддерживается гормонами. Разрушает ЖКТ, сжигает мышечную массу и блокирует регенерацию.

Биохимическое умопомешательство: Состояние изменённого восприятия, которое человек ошибочно принимает за нарушение мышления. На самом деле это именно изменение нейрхимии тела, на которую накладывается старая программа ума.

Телесная память: Это хранение травматичных слов и образов в виде мышечных спазмов, фасциальных напряжений и паттернов дыхания. Слово перестаёт быть звуком и становится физическим ощущением удушья или сжатия.

Нейроэндокринный истощитель: Механизм социального выживания, который заставляет человека тратить жизненную энергию на поддержание образа «хорошего» перед внешними фигурами. Постоянно генерирует микродозы кортизола через чувство вины, сокращая срок биологической эксплуатации тела.

Ретранслятор: Биологический аппарат, который не создаёт реальность сам, а лишь декодирует входящие сигналы. Его работа полностью зависит от того, какое содержимое мышления загружено в него в данный момент.

Содержимое мышления и архитектура вашей личности (Программное обеспечение).

Семейная разговорно-двигательная линия: Базовая операционная система, полученная от родительского биоконтейнера. Состоит из оскорблений, интонаций, жестов и сценариев выживания. Работает как автоматический суфлёр, интерпретирующий любую ситуацию через призму именно вашей травмы.

Рече-образный суфлёр: Внутренний голос, бубнящий оценки происходящего. Создаёт идентичность страдающего. Не является вашим «Я», а представляет собой просто воспроизведение «старых аудиозаписей» родительских фигур.

Социальная модель мышления: Глобальная надстройка над семейной линией. Управляет телом косвенно через деньги, законы и социальные нормы, заставляя тело реагировать на цифры так же, как на физическую угрозу.

Идентичность страдания: Ложное Эго, сформированное путём слияния механизма ума с содержимым мышления. Человек начинает верить, что он и есть его страхи, долги, диагнозы или роль жертвы.

Механизмы управления и искажения (Внешние угрозы).

Биовнедренцы: Системные алгоритмы, которые используют уязвимости вашего биософта для получения ресурса. Они невидимы для социальной логики, так как действуют на уровне провокации гормонального отклика. Их цель — встроиться в вашу нейронную сеть и заставить вас вырабатывать АТФ и кортизол на их нужды.

Родительский биоконтейнер как геном: Это отделение реальной родительской фигуры от её программного обеспечения. Родитель рассматривается как биологическая машина, транслирующая содержимое своего мышления — страх смерти и ограниченные ресурсы. Понимание этого снимает личную обиду и позволяет увидеть саму механику передачи страха.

Инструменты разрушения и перехода (Технологии оператора).

Созданный разум: Наблюдатель внутри головы, который способен видеть мысли как проплывающие объекты, не сливаясь с ними. Это ядро, которое не принадлежит ни семье, ни социуму.

Десемантизация: Процесс лишения слова его эмоционального заряда. Перевод фразы из категории «мой приговор» в категорию «набор звуковых частот». Лишение статуса угрозы останавливает выброс гормонов.

Ритуал смертной силы: Экстремальное доведение физиологии до предела. Цель — довести старую программу до точки абсолютного отказа, чтобы выключить социальный автопилот и дать место новому знанию.

Ритуал Война: Использование энергии стресс-активации (кортизола) для конструктивного действия. Трансформация яда в лекарство через *биовзлом телесного разума* — технология Логос Астровульфа @logosAstrowulfa.

Оператор телесного разума: Конечная стадия развития внутри социальной модели мышления. Состояние, когда управление биохимией, мышцами и фокусом внимания переходит от рече-образного суфлёра к разуму. Оператор @optelra использует тело и ум как подчинённые инструменты жизнепотока.

Эволюционный фильтр.

Эволюционный рост сознания: Главный алгоритм жизнепотока. Система работает как жёсткий тест:

1. Ребёнок учится ходить → негодные убираются болезнью.
2. Подросток интегрируется в социум → негодные уходят в изоляцию или безумие.
3. Взрослый разрушает семейную линию и обретает разум → тупиковая ветвь активирует самодеструктор судьбы.

Самодеструктор судьбы: Предохранительный клапан эволюции. Запускается автоматически, если субъект отказывается преодолевать механизмы самозапрета и продолжает отождествлять себя с семейной травмой. Это не наказание, а утилизация биологически неэффективного материала.

Глава 4. Ритуал это оружие

Новичок не спал вторую ночь.

Он сидел на полу и смотрел на свои руки. Они не дрожали. Дыхание было ровным, а внутри — тишина. Но он точно знал, что петля всё ещё существовала. Она просто затаилась и ждала момента, когда он снова начнёт осмыслять, снова станет адресатом. Он чувствовал её внутри себя как затянутый узел, который не развязался, а просто перестал двигаться.

Дверь открылась.

Лоп Воткэу стоял на пороге, без чая, без улыбки и без шуток.

— Вставай, — сказал он.

— Сегодня мы рвём петлю.

Новичок поднялся. Его тело хорошо слушалось, но было по-прежнему чужим. Как будто он надел костюм, который не носил уже много лет.

— Что я должен делать?

— Ты будешь делать то, что не можешь. То, что твой механизм самозапрета считает невозможным. То, что твой самодеструктор судьбы считает смертельным.

Он повернулся и пошёл к выходу.

— Иди за мной. И главное: не думай, не оценивай и не спрашивай. Просто делай.

Подземный зал. Полдень.

Они спустились в огромный подземный зал. Своды уходили далеко вверх, теряясь в темноте, где эфир разумности смешивался с базальтовой структурой стен. В центре стояла конструкция @gazumodraiver — стальной каркас, обмотанный канатами, а рядом лежали грузы. Не гантели и не гири. Это были камни. Абсолютно разные. От маленьких до огромных, способных раздавить любого человека.

— Что это? — спросил новичок.

— Твой экзамен, — сказал Лоп Воткэу.

— Ты думаешь, что ритуал войны — это что-то мистическое?

Нет. Это просто действие. Действие, которое требует от твоего тела больше, чем оно привыкло давать.

Ты знаешь, что такое кортизол и адреналин?

— Гормоны стресса.

— Гормоны мобилизации, — поправил Лоп Воткэу.

— Они нужны, чтобы ты мог сражаться или убегать. Они повышают болевой порог, перенаправляют кровь к мышцам, делают тебя быстрее и сильнее. Но только если ты используешь их для действия. Если не используешь — они разрушают тебя изнутри. Сжигают ткани. Истощают надпочечники. Создают кортизоловую петлю.

(Третий уровень — «механизм силы», когда кортизоловую петлюрываешь в «позе трупа» без единого движения, это по сути ритуал смертной силы, превосходящий знания марма-видья, примечание автора — не рекомендуется даже в качестве размышления, до разрушения самодеструктора судьбы.)

Он подошёл к камню среднего размера. Новичок видел, как биомеханика его тела меняется за секунду до касания: мышцы перестраиваются, фасции натягиваются, астральный шнур выпрямляется.

— Твой родительский биоконтейнер говорил тебе: «Ты не справишься». Твой организм слышал это именно как приказ. Он готовился к битве, но битвы не было! Энергия стресса циркулировала внутри замкнутой системы, сжигая твои ткани изнутри. Кортизол продолжал вырабатываться, чтобы заставить тебя действовать. Но ты не действовал. Ты думал и осмыслял.

Он поднял камень. Не рывком, а медленно, контролируемо и внимательно. Все мышцы работали как единый механизм. Дыхание его стало глубоким, но коротким. Лицо напряглось.

— Сегодня мы разорвём эту связку. Ты возьмёшь этот камень и ты поднимешь его. Не потому что ты сильный. А потому что твой организм должен получить новый опыт. Он должен узнать, что слово «не справлюсь» — это просто звук. Что битва может закончиться победой.

Новичок посмотрел на камень. Он был слишком большой и слишком тяжёлый. Он знал, что не сможет поднять его.

— Я не смогу.

— Конечно, не сможешь, — Лоп Воткэу усмехнулся.

— Твой механизм самозапрета говорит тебе, что это невозможно. Твой самодеструктор судьбы говорит, что это смертельно. Но это не твой голос. Это голос твоей семейной линии. Он звучит во всём твоём теле, а не в твоей голове. Он записан в *биоточках центра разума* — в структурных единицах мышечного волокна, которые помнят команды «слабость» и «бедность».

Он подошёл ближе и положил руку на плечо новичка.

— Ты не должен поднять этот камень только мышцами. Ты должен поднять его всем телом. Позволить своему телу сделать то, что оно умеет, когда его не блокирует механизм самозапрета.

Новичок закрыл глаза. Он чувствовал страх. Чувствовал, как тело сжимается, диафрагма поднимается, дыхание становится поверхностным. Он просто смотрел на все эти ощущения. Не оценивал и не пытался их изменить. Просто наблюдал.

И вдруг что-то изменилось.

Страх не исчез, но теперь он стал объектом. Чем-то, на что можно смотреть. Чем-то, что можно не присваивать. Он перестал быть его командой. Он стал просто телесным сигналом — информационным шумом его тела, который не требовал исполнения.

— Хорошо, — сказал Лоп Воткэу.

— Теперь бери камень.

Новичок подошёл и прикоснулся к его холодной, шершавой поверхности. Согнул колени. Взялся руками. Почувствовал, как мышцы напрягаются.

И он начал поднимать.

Подземный зал. Час спустя.

Новичок лежал на полу и уже не мог дышать. Не мог двигаться. Его руки дрожали. Ноги дрожали. Всё тело дрожало.

Камень лежал рядом. Он поднял его.

Не потому что был сильным. А потому что перестал верить, что не сможет.

Лоп Воткэу сидел рядом и смотрел на него без улыбки.

— Ты чувствуешь это? — спросил он.

Новичок пытался что-то сказать, но не мог.

— Ты чувствуешь, как кортизол уходит. Как адреналин сгорает. Как твоё тело понимает, что битва закончена. Что эта угроза отработана. Что ты сейчас победил.

Новичок чувствовал. Чувствовал, как что-то внутри него — невидимое, но реальное — разрывается. Как узел, державший его годами, наконец распускается. Как кортизоловая петля — та самая, что была замкнута с детства — начинает размыкаться.

— Это не психология, — сказал Лоп Воткэу.

— Это биохимия.

Ты дал своему организму новый реальный опыт. Он узнал, что слово «не справлюсь» — это просто звук. Что битва может закончиться и победой. Что ты можешь выжить.

Он помолчал, давая словам осесть в теле новичка.

— Когда ты осмысляешь слова — они становятся приказами. Когда ты действуешь — они становятся просто звуками. *Ритуал войны — это действие.* Акт, который разрывает связь между словом и телом. Ты не думал. Ты не оценивал. Ты не спрашивал разрешения у своей

семейной линии. Ты просто это сделал. Это и есть разумность. Не просветление. Не статус. Не должность. Просто знание, добытое через столкновение с реальностью.

Новичок, лёжа, смотрел в потолок и чувствовал, как дыхание его становится глубже. Как тело расслабляется. Как тяжесть — та самая, что была с ним всю жизнь — начинает уходить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.